

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Их не пустили на трибуну. Саша смотрел под ноги: глаза устали от красных полотен и серых армяков. Красное мелькало вблизи, касалось лица, иногда овевая запахом лежалой ткани. Серое стояло за ограждением. “Срочки”, одинаковые, невысокие, вяло сжимающие длинные дубинки. Милиционеры с тяжёлыми, бордовыми от раздражения лицами. Непременный офицер, молодцевато, с вызовом смотрящий в толпу. Его наглые руки — на верхней перекладине ограды, отделяющей митингующих от блюстителей правопорядка и от всего города.

Несколько усатых подполковников, под их бушлатами угадывались обильные животы. Где-то должен быть и полковник, самый важный и деловитый.

Саша каждый раз пытался угадать, какой он будет на этот раз — верховный распорядитель митинга оппозиции, ответственный за порядок. Иногда это бывал сухощавый, с аскетичными щёками человек, брезгливо гоняющий разжиревших подполов. Иногда он сам был как подполы, только ещё больше, ещё тяжелее, но в то же время — подвижней, бодрее, с частой улыбкой на лице, с хорошими

зубами. Встречался также третий типаж — совсем маленький, как гриб, но стремительно перемещающийся за рядами милиции на быстрых ножках...

Обладателя полковничьих звёзд Саша пока не приметил.

Чуть дальше, за оградой, зудели и взвизгивали машины, бесконечно раскачивались тяжёлые двери метро, пыльные бомжи собирали пивную посуду, деловито рассматривая бутылочные горлышки. Человек с Кавказа пил лимонад, разглядывая митинг из-за спин милиционеров. Саша случайно поймал его взгляд. Кавказец отвернулся и пошёл прочь.

За оградой Саша увидел автобусы, помеченные гербом с зубастым зверем. Окна были зашторены, иногда шторки подрагивали. В автобусах кто-то сидел. Ждал возможности выйти, выбежать, сжимая в жёстком кулаке короткую резиновую палку, ища кого бы ударить зло, с оттягом и наповал.

— Видишь, да? — спросил Сашу Венька, неспроставшийся, похмельный, с глазами, оплывшими, словно переваренные пельмени.

Саша кивнул.

Надежда на то, что на митинг не пребудет спецназ, была невелика, и она не оправдалась.

Венька улыбался, словно из автобуса должны были в нужный момент вылететь не камуфляжные бесы в тяжёлых шлемах, а клоуны с воздушными шарами.

Саша бесцельно двинулся в толпу, согнанную за ограждение.

“Как чумных собрали...”

Ограждение было составлено из двухметровых секций, вдоль которых с ровными промежутками стояли люди в форме.

Венька пошёл следом за Сашей. Их колонна находилась в другой стороне площади, и уже был слышен чистый голос Яны, строящей пацанов и девчонок.

Многие из тех, кого нехотя разглядывал и касался, двигаясь, Саша, выглядели дурно и бедно. Почти все они были глубоко и раздражённо немолоды.

В их поведении просматривалось нечто обречённое, словно они пришли сюда из последних сил и желают здесь умереть. Портреты, которые они носили на руках, прижимая к груди, изображали вождей, и вожди были явно моложе большинства собравшихся здесь. Мелькало мягко улыбающееся лицо Ленина, увеличенная картинка, знакомая Саше ещё по букварю. Выплывало на подрагивающих старческих руках спокойное лицо преемника Ильича. Преемник был в фуражке и в погонах генералиссимуса.

Им предлагали напечатанные на серой бумаге тонкие газеты, Саша отказывался, Венька весело огрызался.

Происходящее вызывало простую смесь жалости и тоски.

Несколько сотен или, быть может, несколько тысяч человек два-три раза в год собирались на этой площади — в какой-то неизъяснимой уверенности, что их печальные сходки станут причиной ухода постылой власти.

За минувшие со времени буржуазного переворота годы митингующие окончательно остарели и никого уже не пугали.

Правда, четыре года назад бывший офицер и, как ни странно, философ, умница, оригинал Костенко впервые вывел на площадь толпу злых юнцов, не всегда понимающих, что они делают среди красных знамен и немолодых людей. За несколько лет ребята подросли и стали известны своими наглыми акциями и шумными драками. Теперь разношёрстного молодняка в партии Костенко набралось столько, что сегодняшний митинг решили обнести железной оградой. Чтобы не выплеснулось...

Иногда крепкие внимательные старики с интересом, надеждой и лёгким сомнением всматривались в Сашу и Веню.

На трибуне степенно перетаптывался депутат патриотической парламентской фракции. Даже издали было различимо его розовое, гладкое лицо отменно питающегося человека, что отличало депутата от всех рядом стоящих, серолицых и суетливых.

Депутат был одет в чёрное, дорогого покроя пальто. Барашковую шапку он снял — и стоял пред народом с непокрытой головой. Кто-то из челяди, толпящейся позади депутата, держал эту шапку в руках.

Под трибуной были развешены транспаранты с нелепыми надписями, которые никогда и никого не смогли бы побудить к поступку.

Саша морщился, читая.

Им не позволили выступить, посетовав на лимит времени, и мягко попросили не занимать лестницу на трибуну. Саша, стоявший на предпоследней ступеньке, смотрел снизу вверх в подбородок организатора. Организатор изображал необыкновенную занятость:

— Давайте, ребята, давайте. В другой раз.

— Что там с Костенко? — уже спускаясь, услышал Саша басовитый, внятный голос депутата. Депутат заметил красную повязку с агрессивной символикой на Сашиной руке и задал этот вопрос организатору, облегчённо отвернувшись от Саши.

— Сидит, — донёсся ответ, в голосе звучала нотка ехидства, впрочем, она тут же исчезла, когда депутат пробасил раздражённо:

— Я знаю, что сидит.

— Пятнадцать лет ему дадут, говорят, — поспешно и серьёзно, уже с некоторым сожалением о судьбе Костенко, ответил организатор.

Те несколько мгновений, пока продолжался разговор, Саша стоял, не двигаясь, на ступеньках узкой лестницы, вполне откровенно подслушивая. Ступенькой ниже его ждала пожилая женщина, поднимающаяся на трибуну.

— Ну, ты спустишься, нет? — спросила она неприветливо.

Саша спрыгнул с лестницы на асфальт.

— Внизу покричите, — сказала она Саше уже вслед. — Рано вам пока на трибунах...

Венька, ожидающий Сашу внизу, обо всём догадался и ничего не спросил. Похоже, ему было всё равно, пустят их на трибуну или нет.

В карманах Веня перекатывал несколько десятков пепард. Иногда он вытаскивал их по одной и вертел перед лицом, словно не понимая, что это.

— Нет у тебя курить? — спросил Веня у Сашки.

— Я тебе говорил...

— Да? — улыбнулся Веня озадаченно. — А что ты говорил?

Они вновь выбрались из толпы к своей уже построенной колонне.

Яна, черноволосая, в короткой изящной куртке, с отороченными мехом капюшоном и рукавами, ходила вдоль рядов, выкрикивая команды. На ней были чуть расклешённые внизу голубые джинсы, выглядела она очаровательно.

Саша знал, что Яна была любовницей Костенко.

Костенко, да, сидел в тюрьме, под следствием, его взяли за покупку оружия, всего нескольких автоматов, а они, его свора, его паства, его ватага — они стояли нервными рядами, лица в чёрных повязках, лбы потные, глаза озверелые.

Непонятные, странные, юные, собранные по одному со всей страны, объединённые неизвестно чем, какой-то метиной, зарубкой, поставленной при рождении.

Где-то здесь был Матвей — тот, кто возглавил партию в отсутствие Костенко. Но Матвей сегодня не стоял в колонне, наблюдал со стороны.

Яна подняла к лицу мегафон и взмахнула рукой. Её голос мгновенно растворился в едином вопле колонны, осталась звучать лишь первая, рычащая, звонкая буква.

Саша ещё стоял возле строя, не найдя своего места, но молодая его пасть уже была разинута в крике — краем зрения он видел испуганно взмывших с асфальта голубей, нервно дёрнувшегося офицера, стоящих у ограды “срочников”, сразу начавших перехватывать дубинки. Саша кричал вместе со всеми, и глаза его наливались той необходимой для крика пустотой, что во все века предшествует атаке. Их было семьсот человек, и они кричали слово “Революция”.

— Тишин! — махнули ему рукой. — Иди сюда!

Он встал в первый ряд, крайним слева, рядом с Веней, похмельные глаза которого, ещё недавно похожие на переваренные пельмени, стали красными, почти пригоревшими, словно их положили на раскалённую сковороду.

— Уйди, бабка! — смеялся Вень.

Возле строя стояла старушка, и в тот момент, когда строй на несколько мгновений смолк, Саша услышал её голос, видимо, уже не в первый раз повторявший одно и то же:

— Дураки! Вы провокаторы! Ваш Костенко нарочно сел в тюрьму, чтобы стать известным! Вас жида сюда привели!

Мимо, не обращая внимания на старушку, прошла Яна — чернявая, с лицом ярким и обнажённым, как открытый перелом.

— Нехристь! — выкрикнула ей в лицо старушка, но Яна уже ушла, искренне равнодушная.

Бабушка порыла острыми глазками в строю и нашла Сашу.

— Жиды привели! — повторила она ещё раз. — Вот ты жид! Жид и “эсэсовец”!

Сашу тихонько подтолкнули в спину стоящие позади, строй двинулся.

— Ре-во-лю-ци-я! — дрожало и вибрировало по всей площади, перекрывая бас на трибуне, переговоры милиции по рациям, голоса иных митингующих.

— “Союз созидających”! Ребята! — зывали к ним с трибуны. — Вы не кричать сюда пришли! Давайте вести себя пристойно...

Строй, размахивая красно-чёрными знаменами, двинулся по направлению к оgrade, мимо трибуны. Плотно, наполняя нудной болью ушные раковины, стоял неустанный крик.

— Президента! — выкрикивала звонко Яна.

— Топить в Волге! — отзывался строй в семьсот глоток.

— Губернатора!

— Топить в Волге!

— Ну, сделайте кто-нибудь что-нибудь, господа... — беспомощно воззвал выступавший, и это неуместное здесь “господа” донеслось до Сашы и даже заставило бы его улыбнуться, если бы он не кричал хрипло, неустанно и до холода в зубах:

— Мы ненавидим правительство!

Всё в округе вошло в ритм этого крика, от крика раскачивались двери метро, в такт крику суетились серые бушлаты, шипели рации, сигналили авто.

— Любовь и война! Любовь и война!

— Любовь и любовь! — переиначил Саша, увидев ещё раз Яну, резко развернувшуюся перед первым рядом, капюшон её взлетел и опал.

“Как сладко пахнет этот капюшон, внутри... её головой...” — подумал Саша и сразу же забыл случайно мелькнувшее. “...Как тульским пряником...” — ещё откуда-то

вдогонку выпала мысль, и Саша даже не понял, о чём ему подумалось, к чему.

— Вы срываете митинг! — кричала, пытаясь схватить Яну за рукав, какая-то женщина, видимо, прибежавшая сюда с трибуны. — “Союз”! — взывала она к первому ряду, пытаясь заглянуть ребятам в глаза. — Вы же называете себя “Союз созидающих”! Что вы созидаете? Вы созидаете раздор!

— Митинговать сюда пришла? В этот загон? — спросила Яна, резко убрав мегафон от лица. — Вот и митингуй себе. Мы сейчас уйдём.

Они уже стояли у ограды, и Саша видел бегающие глаза милиции и распахивавшегося офицера, что-то кричащего в рацию.

— Да! — кричал он. — Пусть спецназ подходит. Эти, мля, “эсэсовцы” сюда лезут!

— Мы маньяки, мы докажем! — истоиво, ладно, хором орал строй, притоптывая и размахивая флагами.

Венька повернулся лицом к строю, спиной к милиции и ограде, и быстро раздал петарды следующему ряду:

— Поджигай!

Замолчала трибуна, все смотрели на звонко голосащих подростков.

Разом гакнуло несколько петард, следом в милицию бросили взрыв-пакет — он упал возле шарахнувшегося от испуга офицера и мутно задымился.

Саша увидел, как какой-то милиционер, не разобравшийся в чём дело, развернулся и побежал неведомо куда по улице, лишь фуражка его покатилась.

— Ре-во-лю-ци-я! — раздавалось на грани истерики, и строй топал в лад кроссовками и разбитыми берцами.

Над строем вспыхнуло несколько фаеров.

Саша уже держал в руках оградку и тянул её на себя. С другой стороны в неё вцепились ошалелые милиционеры.

Из-за их спин размахивал дубинкой офицер, пытаясь попасть Саше по голове. Саша уворачивался, то отпуская оградку, то снова, опасно, как горячую, хватая её.

Офицер перехватил дубинку в другую руку и, изловчившись, сбоку влепил удар Веньке, на щеке у того мгновенно появился вспухший алый рубец.

— Древко! — обернувшись назад, бесновато улыбаясь одной стороной лица, крикнул Веня. — Древко сюда!

Ему передали знамя. Веня рывком сорвал материю и сразу же, мощно замахнувшись древком, обрушил его на офицера. Тот увлечённо тыкал гнущейся дубинкой кому-то в лицо и не увидел удара.

Фуражка офицера слезла на затылок, сразу потекла ровным ручейком посереде лба кровь и у переносицы разошлась по бровям, щекам и глазницам.

Офицер смотрел вверх, выворотив одуревшие глаза, словно пытаясь увидеть рану.

На плечо Саше легло, подобно копьё, ещё одно древко, ткань знамени свесилась вниз. Краем глаза он увидел другие знамёна, направленные остриями в милиционеров и “срочников”, сдерживающих ограду.

Сзади на Сашу надавили ещё раз, так сильно, что он повалился. Падая, Саша уперся руками в грудь “срочнику”, тот испуганно моргал, вертикально подняв дубинку, то ли не умея ей размахнуться, то ли боясь ударить.

Саша удержался на ногах, отпихнул “срочника” и, схватившись за секцию ограды, которую уже никто не держал, поднял её над головой.

Неустанно орущая ватага вырвалась из загона. Милиционеры отбежали, в нерешительности глядя на происходящее. Кто-то повёл офицера с разбитой головой к милицетской машине.

— Ребята, я вас умоляю! — запоздало кричали с трибуны.

Откуда-то сбоку уже набегали спецназовцы: дюжие ребята в камуфляже.

“Трое... — схватил глазами Саша. — Пока только трое”.

Едва не вырвав суставы, Саша бросил ограду в их сторону. Она загрохотала на асфальте, не долетев до бегущих. Саша видел, что остановившиеся спецназовцы кричат ему что-то злое, но слов не разобрал. Они снова двинулись на него, и тогда Саша схватил ещё одну секцию.

Брошенная ограда накрыла одного из спецназовцев, он криво завалился под рухнувшим на него железом. Двое других стали его вызволять.

— Сохраняем спокойствие! — выкрикивали с трибуны. — Продолжаем митинг!

Ребята рванули вперёд, по проспекту. Милиция бесильно стояла, словно почетный караул, пропускающий в город юную, ревушую от счастья ораву.

Площадь перетекала в пешеходную улицу, но первым, на что налетели вырвавшиеся на свободу, оказались стоянка такси у дороги и торговые ряды с цветами.

Продавщицы отбегали, хватая цветы в охапку. Впопыхах, ещё не нарочно, ещё по случайности бегущие сшибли одну корзину с розами, тюльпанами и гвоздиками — и сразу понравилось, сразу зацепило. Когда к торговым рядам подлетел Сашка, вся улица была усыпана алым, жёлтым, розовым, бордовым. Всё это хрустело под ногами, и стебли ломались.

Зачем-то Саша схватил несколько, наверное, три или четыре букета из ещё не сброшенной наземь стойки с цветами и недолго бежал с ними, сразу поняв ненужность своего поступка. Пробегая мимо автостоянки, он видел, как испуганный таксист дал по газам и несколько метров вёз по дороге уцепившуюся за дверь, ещё не успевшую усесться пассажирку, истошно завизжавшую. Другие такси, сигналя и ежесекундно тормозя, срочно разъезжались.

Саша осыпал цветами сидящую на асфальте нищую беженку из тьмутаракани с неизменным младенцем на руках и едва не сшиб остановившегося у витрины, как видно, в поисках подходящего орудия, Веню.

Веня приметил мусорную урну, и спустя мгновенье она обрушилась на стекло, раздался грохот.

В это воскресное утро людей было ещё мало. Редкие прохожие расходились, торопясь и даже не оглядываясь. Мужчина в синем плаще выбежал из магазина и затрусил вверх по улице. Появился охранник в чёрном пиджаке и сразу же исчез в дверях, что-то крича в сотовый.

На другой стороне улицы стояла красивая иномарка — кто-то, презрев стражей дорог и права пешеходов, припарковался здесь. Машина давно уже верещала сигнализацией, чем, скорей всего, и вызвала раздражение бушующей толпы. Несколько парней со странной лёгкостью перевернули машину набок и затем завалили её на крышу.

Выше по улице стояло ещё несколько машин — и вскоре на их крышах, с дикой, почти животной, но молчаливой радостью прыгали парни и девчонки.

Ища, что бы такое сломать, — причём сломать громко, с хрястом, вдрызг, — двигались по улице, впервые наедине, один на один с городом.

Ребята делали своё дело без крика, со спокойной ненавистью.

С жутким железным лязгом упало на асфальт несколько уличных игровых автоматов.

Кто-то изловчился расшатать и выломать оградку летнего кафе — с неё сняли красивые чёрные цепи, и оградка полетела в ярко раскрашенные окна заведения.

Кто-то порезался и намотал на расплосованную руку кусок атласной шторы, извлечённой из кафе вместе с карнизом.

Костя Соловый, высокий, странной красоты, удивительный тип — в белом пиджаке, в белых брюках, в белых